

Ничто в мире не могло сравниться с тем, как грациозно цзяожэнь выпрыгивает из воды, взмывая в облака — это зрелище навсегда поразило Чжан Жуйтаня.

Облака были теплыми, а сереброволосый цзяожэнь — прекрасным и добрым существом.

Простой наряд из голубой акульей кисеи скрывал ноги, которые когда-то были рыбьим хвостом, и лишь копна неестественно серебристых волос выдавала в нем нечеловеческое происхождение.

Существо, похожее на совсем юного сереброволосого цзяожэня, присело рядом с ним. Его бледные, почти лишенные крови губы приоткрылись:

— Скажите, вы не видели моего ребенка?

— Нет... не видел.

Когда цзяожэнь приблизился, Чжан Жуйтань уловил тонкий, едва уловимый аромат — холодный запах тающего зимнего снега, пробуждающий саму жизнь. Этот шлейф, то исчезающий, то появляющийся вновь, пьянил и манил.

Не получив желаемого ответа, цзяожэнь развернулся и направился вглубь тумана. Дымка поредела, и Чжан Жуйтань увидел прячущуюся за ней пару — мать с ребенком. Это были те, кого он искал.

Но...

Сравнив свое тяжелое ранение с силой неведомого цзяожэня, он решил пока отложить свои тайные замыслы и дожждаться выздоровления. А может, в глубине души у него зародилось и что-то иное.

Байма отпустила плечо Сяо Гуаня, жестом приказав ему идти играть с Су И, а сама, взяв миску с подогретым отваром, подошла к Чжан Жуйтаню.

Притвориться невинной, сделать вид, что она — несчастная душа, спасенная богиней весны — она справится!

— Сначала выпей лекарство. Чжомала не любит тех, кто не дорожит своей жизнью.

— Чжомала?

Чжан Жуйтань, преодолевая боль в животе, приподнялся и залпом осушил чашу.

Если эти люди действительно задумали недоброе, у него всё равно не было сил сопротивляться.

Байма протянула ему конфету и утвердительно кивнула:

— Да. У Чжомалы злые ханьцы украли ребенка. Она повсюду ищет его и спрашивает каждого спасенного ею путника, не видели ли они ее дитя.

Да, это была новая роль, которую Су И придумала для себя: несчастная мать-нечеловечка, потерявшая ребенка и спасающая чужих детей в надежде найти своего.

Что касается пульса — если кто-то решит проверить, она скажет, что их род цзяожэнь размножается икрой, поэтому их физиология и методы лечения отличаются от человеческих.

Байма была первым человеком, которого она спасла, и стала ее самой преданной последовательницей.

А Сяо Гуань был лишь утешением, пока она не нашла своего ребенка.

Связать их троих вместе — идеальное решение. Если не считать того, что Сяо Гуань был не слишком доволен, они обе были вполне счастливы.

Более того, сквозь пелену тумана Су И заметила, как уголки губ Чжан Жуйтаня невольно поползли вверх. Похоже, ее единственный зритель остался доволен сценарием.

Теперь осталось лишь окончательно вскружить ему голову, чтобы он взял их троих с собой в семью Чжан.

Вечный туман скрывал очертания цзяожэня, но пение раздавалось в этом пространстве снова и снова.

Постепенно Чжан Жуйтань провалился в глубокий сон, и Байма невольно выдохнула с облегчением:

— Если мы сделаем так, нас точно не раскроют?

Байма была доброй и не хотела втягивать Су И в беду.

— Цзяожэнь добры и прекрасны, а богиня весны дарует удачу. Поверь мне, все будет хорошо.

Это воздействие на подсознание лишь усиливалось с каждой песней, оставляя у Чжан Жуйтаня

неизгладимое впечатление, и в этом не было ничего дурного.

Цзяожэня звали Су И. Она была цзяожэнем, потерявшим память, и единственным ее горем была вынужденная разлука с ребенком. Теперь она относилась к чужому мальчику как к собственному сыну, поэтому забрать их обоих было вполне логично.

На глазах у Чжан Жуйтаня Су И всегда оставалась сереброволосой и печальной. На руках у нее был то ребенок, то волчонок, а если никого не было — лисенок. Было видно, что она искренне любит детей, и вид был не важен.

Каждый раз, когда Чжан Жуйтань пытался поговорить с Су И наедине, Байма тут же вмешивалась:

— Чжомала спасла тебя только ради поиска своего ребенка. Как только раны заживут, уходи и не беспокой ее больше.

Прекрасный цзяожэнь, погруженная в свой мир, резвилась в ледяной воде, казалось, не замечая, что Чжан Жуйтань наблюдает за ней день ото дня все дольше.

Запасов, рассчитанных на полмесяца, не хватило и на десять дней. Су И собралась выйти, но Чжан Жуйтань последовал за ней прямо в ледяную реку. Ей пришлось взмахнуть хвостом, чтобы подхватить его.

Вода была ледяной, но там, где их кожа соприкасалась, чувствовался жар, гораздо сильнее, чем температура тела цзяожэня.

— Я помогу тебе найти твоего ребенка.

Глаза цзяожэня были чище и прозрачнее, чем у того малыша, и от этого поступок Чжан Жуйтаня казался еще более подлым.

Наивный цзяожэнь задумалась, но не ответила сразу. Доставив Чжан Жуйтаня к горячему источнику, она взмахнула хвостом и уплыла.

Речная вода была холодной и стремительной, и без помощи цзяожэня Чжан Жуйтань оставил всякие попытки что-либо предпринять.

Казалось, чужаков в деревне никогда и не было, а люди из конного каравана стали удивительно вежливы.

Су И, закутанная в ватник, проходила сквозь толпу и слышала, как многие обсуждают странное поведение Короля снежных волков, который в последнее время начал массовую

охоту. Это было похоже на предвестие свадьбы волка, описанное в легендах.

Свадьба была лишь предлогом, на самом деле речь шла о человеческих жертвоприношениях. В этих краях почитали многих богов, и обряды были разнообразны, но почти все они требовали крови.

Похоже, нужно убираться отсюда как можно скорее.

В период великих жертвоприношений в снежных горах многие странные существа впадали в безумие и убивали все живое на своем пути. Су И не хотела становиться чьим-то обедом.

Чжан Жуйтань заметил, что цзяожэнь, кажется, соблазнилась его предложением: иногда их взгляды встречались, и она лишь спустя несколько секунд невозмутимо отводила глаза.

— Давайте уедем.

Когда раны Чжан Жуйтаня почти зажили и он смог ходить, Су И сама предложила уйти.

Еда была почти на исходе, одеяла и шкуры они спрятали в буддийской ступе. А растения, которые они посадили, Сяо Гуань обвел узким каналом — пока снег в горах не растает полностью, они должны выжить.

Впервые попробовав маленькую жемчужину в сознании, Чжан Жуйтань почувствовал удивление и восторг.

Тонкая сладость — разве найдется хоть один член семьи Чжан, который не оценит такое?

И это была не та сладость, которую можно купить на рынке, а аромат, схожий с запахом самой Су И, оставляющий долгое, незабываемое послевкусие.

Волосы Су И снова стали черными — серебро было слишком вызывающим для этой эпохи, ее могли принять за демона. Хрупкое тело было плотно укутано в лисью накидку, так что снаружи невозможно было понять, мужчина это или женщина — лишь маленький рост выдавал человека.

Члены семьи Чжан, прибывшие на подмогу, были удивлены, что Чжан Жуйтань собирается везти в родовое поместье целую семью из трех человек, но, будучи потомственными стойками, они не выказали никаких эмоций.

Из-за спешки пришлось ехать верхом.

Байма выглядела как трудолюбивая тибетская девушка, ее навыки верховой езды ничем не уступали людям из каравана. Одной рукой она усадила Сяо Гуаня на высокого гнедого коня.

Су И стояла рядом с вороным жеребцом, который был выше ее самой, и с невинным видом смотрела на Чжан Жуйтаня.

<http://bllate.org/book/21367/2176374>